

А. М. Грачева

АЛЕКСАНДР ПУШКИН В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА (ВВЕДЕНИЕ В ТЕМУ)

Резюме

В статье кратко намечены основные направления исследования актуальной темы «Александр Пушкин и Алексей Ремизов». Ее историко-биографический аспект подразумевает изучение истории знакомства Ремизова с наследием поэта и выявление роли произведений Пушкина в жизни писателя. Теоретико-литературный аспект включает в себя рассмотрение частотности и роли цитат из текстов Пушкина в творческом наследии Ремизова, а также анализ того, в какой степени произведения поэта повлияли на ремизовскую концепцию художественного творчества; каково было отношение писателя к так называемому «пушкинскому направлению» в русской литературе. Рассмотрение неомифологического аспекта подразумевает изучение вопросов о том, насколько индивидуален ремизовский миф о Пушкине и как он претворяется в его творчестве. В итоге сделаны выводы о значительном влиянии наследия А. С. Пушкина на формирование ремизовской «теории русского лада». В борьбе за нее Ремизов противопоставляет творчество и художественные идеи самого Пушкина языковым концепциям его поздних последователей (В. Брюсова, М. Кузмина, Г. Адамовича и др.), делая поэта одним из предшественников утверждаемой им теории воссоединения устной и письменной культур русского народа.

Ключевые слова: Пушкин, Ремизов, русский авангард, теория русского лада

ALEXANDER PUSHKIN IN THE ARTISTIC WORLD OF
ALEKSEI REMIZOV: AN INTRODUCTION TO THE TOPIC

Abstract

The article outlines the main directions of research on the topic "Alexander Pushkin and Aleksei Remizov." A historical and biographical approach entails a study of the history of Remizov's acquaintance with Pushkin's works and an evaluation of their role in Remizov's life. A theoretical approach examines the frequency and role of quotations from Pushkin's texts in Remizov's creative writings and assesses the extent of the influence that the poet's works had on Remizov's concept of artistic creativity. Moreover, this approach analyzes Remizov's attitude towards the so-called Pushkin Direction in Russian literature. A neo-mythological approach involves Remizov's myth about Pushkin — the question of its singularity and the ways in which this myth is implemented in Remizov's works. The author of the article concludes that Pushkin influenced the formation of Remizov's "Theory of the Russian Mode." In his arguments in favor of this theory, Remizov contrasts Pushkin's creativity and his artistic ideas with the linguistic concepts of his later followers (V. Briusov, M. Kuzmin, G. Adamovich, etc.). Remizov thus made the poet one of the predecessors of the theory of the reunification of the Russian oral and written culture, which Remizov championed.

Keywords: Pushkin, Aleksei Remizov, Russian avant-garde, Theory of the Russian mode

DOI 10.31860/2712-7591-2024-4-65-77

Имя мастера русского авангарда и парадоксалиста А. М. Ремизова традиционно сопрягается с именами Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского, а из более давнего периода развития русской литературы — с именем пророка Аввакума. Примечательно, что до настоящего времени сопоставление творчества этого писателя XX в. с наследием А. С. Пушкина не было предметом серьезного научного изучения и представляет собой актуальную научную проблему. Цель настоящей статьи — наметить контуры и некоторые узловые моменты последующего исследования.

Тема «Пушкин — Ремизов» имеет несколько аспектов.

I. Аспект историко-биографический. В данном ракурсе надо рассмотреть историю знакомства Ремизова с наследием поэта и выявить роль произведений Пушкина в жизни писателя.

II. Аспект теоретико-литературный. Исследователи уже отчасти занимались выявлением цитат из пушкинских текстов разных жанров (преимущественно стихотворных и драматических) в ремизовской прозе 1900—1950-х гг. [Кожевникова; Бермус]. Однако необходимо проанализировать, в какой мере произведения Пушкина повлияли на ремизовскую концепцию художест-

венного творчества, а также выяснить, какое место занимает традиционно маркируемое именем поэта «пушкинское направление» в эстетических и историко-литературных теориях Ремизова.

III. Аспект неомифологический. Задачей является поиск ответа на вопросы, насколько индивидуален ремизовский миф о Пушкине и как он претворяется в творчестве писателя.

I. Аспект историко-биографический

Как известно, во второй половине XIX в. Пушкину уже прочно отводили первое место в пантеоне классиков русской литературы. Преподавание его произведений было обязательным в учреждениях школьного образования всех типов, в том числе и в московском Александровском коммерческом училище, которое закончил А. М. Ремизов. В книге «Подстриженными глазами» писатель связывал с именем поэта начало формирования первой библиотеки братьев Ремизовых:

«Скоро всем стала известна наша книжная страсть, и первый подарок на Рождество: Анненковский Пушкин в синем переплете от тети Капустиной (...) Роскошного семитомного Пушкина страшно было тронуть (...) мы только любуясь смотрели на книги, ревниво следя, чтобы кто-нибудь из нас не замуслил пальцем. К нашему счастью, брат, который писал стихи и вел аккуратно дневник, достал „по случаю“ однотомного Пушкина и уж не расставался, читая вслух, и плакал над „Капитанской дочкой“. Так мы узнали Пушкина» [Ремизов 2000, т. 8, с. 127].

Годы, проведенные Ремизовым в тюрьмах и ссылке, не способствовали созданию личного книжного собрания. Оно стало формироваться с 1905 г., после переезда писателя и его супруги, филолога С. П. Ремизовой-Довгелло, в Петербург. В его состав, как обязательный атрибут интеллигентской культуры рубежа веков, входили тексты русских классиков, и в частности Пушкина. Эта библиотека была частично распродана самим Ремизовым в голодные годы военного коммунизма, а оставшаяся часть полностью утрачена после выезда ее владельцев в 1921 г. в Германию. Характерно, что там Ремизовы сразу же стали восстанавливать утраченную основу своего петербургского собрания, формируя ее за счет приобретения сочинений классиков, и в частности А. С. Пушкина, печатавшихся в Берлине издательством «Слово» [Пушкин]. Впоследствии эта библиотека была завещана писателем его другу и литературной помощнице Н. В. Резниковой и до 2000-х гг. сохранялась в неприкосновенности в семье ее сына — Е. Д. Резникова (Кашан, Франция).

С начала 1930-х гг. знаменательным явлением в жизни русского Парижа стали ежегодные литературные вечера Ремизова, на которых он читал свои

новинки и произведения русских писателей. Мемуаристы неоднократно упоминали об этих культурных событиях. Так, например, Н. В. Резникова вспоминала: «Чтение Ремизова производило огромное впечатление и заставляло присутствующих слушать, затаив дыхание. (...) Известные всем отрывки из русских классиков слушались как в первый раз. Каждое слово оживало, получало новый смысл. А. М. любил русскую литературу и с радостью „открывал“ своим слушателям Пушкина („Сказка о рыбаке и рыбке“, „Цыганы“)» [Резникова, с. 118]. Чтение вслух произведений русских писателей XIX в., и в частности Пушкина, являлось характерной особенностью быта семьи Ремизовых. Таким образом, творчество поэта было органичной составляющей жизни писателя.

II. Аспект теоретико-литературный

С начала своего творчества Ремизов, пройдя как «школу» искус польского и русского символизма, далее обратился к классическому наследию, избрав Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского в качестве своих главных литературных учителей. С первым его объединяли обращение к разговорным просторечным пластам языка, восприятие и отражение в творчестве народной мифологии, и в частности демонологии, интерес к фантастике и теме «маленького человека». Со вторым сближали сходные драматические обстоятельства судьбы (арест по политическим причинам, тюрьмы и ссылки), а также острое восприятие экзистенциального трагизма бытия. Еще в конце 1900-х гг., только намечая контуры своей «теории русского лада», Ремизов полемизировал с М. Кузминым, пропагандировавшим «прекрасную ясность», ориентированную на пушкинскую традицию [Грачева 2023, с. 14–15]. Надо отметить, что при этом он выступал не против наследия писателя А. С. Пушкина, а против возникшего в начале XX в. и ориентированного на лексически и грамматически «правильный», т. е. нормативный, литературный язык так называемого «пушкинского направления» русской литературы. У его последователей имя Пушкин как бы отторгалось от реального писателя и его творчества и, подобно тени из пьесы Евгения Шварца, становилось самостоятельным фантомом, который использовался ими как персонифицированный символ в споре о языке русской литературы.

С конца 1900-х гг. в авторском сознании Ремизова начали существовать как бы два Пушкина: писатель и его тень, присутствующая на знаменах воинствующих «пушкиннианцев».

Динамику «борьбы» Ремизова с фантомом Пушкина можно наглядно рассмотреть на примере его статей-эссе о поэте. С одной стороны, их появление было всегда напрямую связано с юбилейными датами, что гарантировало немаловажную для писателя вероятность публикации созданного и получения

гонорара. Однако, с другой стороны, кроме чисто прагматического аспекта, для Ремизова это было неоднократно апробированное им использование жанра юбилейной статьи для представления своей концепции развития отечественной литературы и утверждения истинности «теории русского лада».

Две статьи-эссе («Дар Пушкина» и «Морозная тьма»)¹ появились в 1937 г., когда отмечали столетие со дня смерти классика. В эссе «Дар Пушкина» Ремизов, ставя во главу угла работу писателя со словом, разделил образ героя своего текста на две ипостаси: поэта и прозаика. Для него Пушкин-поэт велик и уникален, в то время как Пушкин-прозаик «ограничен» в своем творчестве границами используемого им нормативного языка и поэтики романтизма, которым в дальнейшем будут следовать адепты «пушкинского» направления.

«Традиция пушкинской прозы не в словесном материале, — отмечал Ремизов, — я не нашел ничего от пушкинской поэзии, и слух не Пушкина; а вошедшая в обиход „ясность“ ничего не открывает: „ясность“, как и темнота, — определения, и всегда приводятся потом литературными оценщиками по своему глазу и слуху; традиция Пушкина в построении рассказа — рассказ есть „рассказ“: занимательное времяпрепровождение, он может быть и нравоучительный, и философский, но это неважно. Пушкин — конструктор и конструкции его — образцы» [Ремизов 2000, т. 7, с. 251].

В созданном в том же 1937 г. эссе «Морозная тьма» Ремизов соединил две актуальные для него темы. Первая из них — трактовка традиции снов на примере творчества Пушкина. И тут писатель вновь особо подчеркнул связь глубинного проникновения классика в символику сновидения с аналогичной значимостью образов его поэзии.

Развитие второй темы — Пушкин как прародитель пушкинского направления — шло в соответствии с основной идеей предыдущего эссе:

«Со светом поэзии от Пушкина идет и „морозная тьма“ его снов (...) Символисты, как Брюсов, а затем Кузмин, провозгласившие Пушкина литературным вождем, напомнили в годы общепризнанного литературного „как попало“ и самодельщины о занимательных конструкциях пушкинских рассказов, в этом значении их „пушкинизма“; их собственные примеры в форме стилизации бесследны в русской прозе» [Ремизов 2000, т. 7, с. 253–254].

Таким образом, в этих статьях было отражено характерное для Ремизова как теоретика литературы разделение образа Пушкина на гениального поэта и прозаика, писавшего тексты-конструкты усредненным литературным языком.

¹ Впервые опубли.: [Ремизов 1937а; 1937б].

С 1930-х гг. основным литературным оппонентом Ремизова в вопросе оценки роли Пушкина стал твердый «пушкинианец» Г. В. Адамович. В критических статьях по поводу отдельных произведений Ремизова он неизменно реагировал на выпады против «пушкинского направления» русской литературы, реализованные в текстах этого позднего «гоголянца» [Грачева 2022]. И даже в интервью с писателем — в юбилейной статье, посвященной его 75-летию, — критик не обошел вопроса об их противостоянии:

«Ремизов отвергает приписываемое ему стремление воскресить былую, допетровскую речь. (—) Ничего воскрешать я не хочу. Воскресить ничего невозможно. Я хочу только перестроить нашу современную речь на исконный русский лад... хочу, чтобы она зазвучала по-русски, только и всего. Он (Ремизов. — А. Г.) сослался на Гоголя (...) Мне хотелось, — продолжал интервьюер, — назвать другое имя — Пушкина, преклонение перед которым Ремизов неизменно подчеркивает, но с которым неизбежно должны быть у него сложные и тяжелые внутренние счета, именно в области слога и языка» [Адамович].

В триптихе статей Ремизова о Пушкине последней стала приуроченная к 150-й годовщине со дня рождения классика статья «Живой воды» (1949)², напрямую посвященная роли поэта в развитии языка русской литературы. Этот текст относился к циклу тех ремизовских критических работ второй половины 1940-х гг., в которых писатель вел прямую и активную пропаганду «теории русского лада». В эссе Ремизов отступил от своей практики противопоставления «двух Пушкиных». Наоборот, он представил целостный портрет *своего и единственного* Пушкина — провозвестника, предтечи «теории русского лада»:

«Голос Пушкина звучен через всю историю литературы, им вдохновенную, и этот голос сказывается и в моем неотступном и упорном:

„Заговорит ли Россия по-русски?“

Едва ли кто еще, только Пушкин так остро почувствовал рабство нашей книжной речи: не спуста ж и зря пушкинское: „русский язык у московских просвирен“.

Великая Россия! Но почему же ей суждено выражаться по чужим иноземным указкам?»

И это не моя блажь, а русская мысль Пушкина (а за Пушкиным Хомяков — 1853 г.) о живой воде: где ее искать и ею оживить захряслую русскую речь?» [Ремизов 2000, т. 7, с. 247–248].

Приведя хрестоматийно известную цитату, Ремизов далее в тезисной форме детально излагал постулаты своей «теории русского лада», заявляя, что

² Впервые опубл.: [Ремизов 1949].

именно она является логичным развитием и продолжением взглядов Пушкина. Как видим, с течением времени во взглядах Ремизова — теоретика литературы произошла эволюция. Писатель отказался от «разделения» Пушкина на гениального поэта и бесцветного прозаика, создателя беллетристических «конструктов», что во многом изначально было связано с ремизовской полемикой со сторонниками «прекрасной ясности». Теперь он утверждал целостность Пушкина, гений которого проявлялся в разных родах вербального искусства; того, кто противостоял своей тени-фантому, чье имя в дальнейшем использовали сторонники так называемого «пушкинского направления» русской литературы. В итоге писатель объединил свои эссе о Пушкине в единый раздел, органично дополнивший художественную концепцию книги «Огонь вещей».

В конце жизни, в 1950-х гг., Ремизов конспективно сформулировал свою теорию развития русской литературы, более точно — русской прозы, в аспекте сопоставления этого процесса с то сближающимся, то расходящимся взаимодействием народной культуры и языка с их письменной разновидностью. Рассматривая устойчивую в конце XVIII — первой четверти XIX в. тенденцию к приведению последней к европейским стандартам, он указал на линию «русской „изящной“ прозы»: «Карамзин — Марлинский — Павлов — Одоевский — Пушкин — Лермонтов (...) В литературном книжном языке сложились формулы — склад слов теряет выразительность. Надо дать свободу речи. Мысль о „вяканье“ (т. е. о народном языке. — А. Г.) не покидает европейцев. Пушкин советовал поучиться у просвирен, но, по словам Вяземского, сам просвирен не очень жаловал» [Ремизов 2010, с. 320].

Таким образом, подводя итог анализу значения феномена Пушкина в развитии русской литературы, Ремизов все же остался верен своей изначальной двойственной оценке поэзии и прозы классика. Признавая совершенство его поэтических творений, писатель отводил Пушкину меньшую роль в развитии русской прозы. В данном вопросе Ремизов соединял свое неприятие стилистики и языка Пушкина-прозаика с оценкой разновидности «пушкинского направления» в прозе первой половины XX в.

III. Аспект неомифологический

Тема мифологизации образа «солнца русской поэзии» в России, и в частности в русской культуре, — это многоаспектная научная проблема, решаемая в различных областях гуманитарного знания, в том числе в литературоведении [Легенды и мифы о Пушкине]. Исследуя образ Пушкина в произведениях Ремизова, надо последовательно проследить динамику его изменения на протяжении разных периодов творчества писателя.

В настоящей работе кратко остановимся на присутствии поэта в текстах Ремизова в качестве одного из героев его произведений.

Пушкин стал одним из действующих лиц созданного писателем документально-художественного жанра «сна». Как показывают сохранившиеся за 1940—1950-е гг. записи подлинных снов Ремизова [ДМ-I — ДМ-V, см. по указ.], образ поэта в основном возникал в сно-формах, отражавших подсознательные ночные размышления писателя в процессе его работы над книгой «Огонь вещей. Сны и предсонье. Гоголь. Пушкин. Лермонтов. Тургенев. Достоевский» (1954) [Ремизов 2000, т. 7, с. 135—361]. В целом в сюжетах снов Пушкин не стал главным героем. Его облик мелькал на втором плане, в череде других образов, уступая место таким первостепенным персонажам сновидений писателя, как, например, Гоголь и Достоевский.

Примечательно, что и в художественных текстах Ремизова образ Пушкина появлялся в основном в контексте все той же борьбы писателя за утверждение его «теории русского лада».

Как пример подобной семантики использования образа поэта в ремизовских «снах», можно привести ремизовскую миниатюру «Пушкин и пять невест», впервые опубликованную в сборнике «Мартын Задека. Сонник» (1954):

«И я увидел: Пушкин.

И совсем-то он на себя не похож, ни на один свой портрет: курносый. А около на столике кофей.

„Спасите, говорит он и показывает, пять невест“.

И в моих глазах пять красных языков.

„И всех разобрали“, говорит Пушкин и читает: немецкий, французский, английский...

И я понимаю, что теперешний Пушкин профессор языковедения и спасти его не от кого — без языка нет речи» [Ремизов 2000, т. 7, с. 377].

Как видим, это литературно обработанный сон, который, по сути, представляет собой притчу. За прозрачным иносказанием о стоящей перед героем дилемме: необходимости выбора одной из невест, как оказалось, уже разобранных иностранными женихами, — был скрыт все тот же повторяющийся сюжет о *настоящем* Пушкине и его фантоме = «профессоре языковедения», жупеле противников ремизовской «теории русского лада».

Тем же задачам был подчинен «миф о Пушкине», представленный в создававшейся в 1930—1940-х гг. книге «Подстриженными глазами». Если в главах, написанных в довоенные годы, имя поэта лишь называлось при упоминании повлиявших на автора книг, то совсем иное значение имело его появление в главе «Белоснежка», первоначально опубликованной как

автономная новелла в 1947 г.³ и только в дальнейшем ставшей последней главой книги.

Как уже говорилось ранее, год создания «Белоснежки» — это момент нового витка активной борьбы Ремизова за свою «теорию русского лада» и его полемики с оппонентами, поклонниками фантома Пушкина. Их лагерь кратко обозначен уже в первой строке «Белоснежки»: «Московский символизм под знаком Пушкина» [Ремизов 2000, т. 8, с. 242].

Удалось установить, что сюжет новеллы основан на достоверном факте из московского быта рубежа XIX—XX вв., когда в Первопрестольной появился человек, стилизовавший свой облик под хрестоматийный образ. В своих воспоминаниях В. А. Гиляровский упомянул об этом своеобразном историческом анекдоте: «В 1899 году, в столетие со дня рождения поэта, ходило следующее:

Москвич бы поумнее был
И люди бы другими стали,
Когда бы Пушкин по Москве ходил,
А Денисюк стоял на пьедестале!

В те года московский литератор Денисюк, поразительно похожий на Пушкина, носил такие же волосы и так же подстригал баки, ходил в таком же плаще и такой же шляпе и рисовался, становясь в позу Пушкина у подножия памятника»⁴.

В произведении «Подстриженными глазами» представлены две трактовки этого документально подтвержденного московского «исторического анекдота». Согласно его интерпретации Ремизовым в «реалистическом» ключе, облик поэта копировал купеческий конторщик Александр Сергеевич Денисюк:

«На Страстной монастырь глядя, памятник Пушкина: Пушкин в крылатке стоит со шляпой, и внизу подпись: Александр Сергеевич Пушкин. И тут же, около памятника, смотрите, он самый, живой с баками и в крылатке, как с памятника, только без подписи. Да и к чему: в каждом из нас, в каждом — тысяча глаз — ему подпись: Пушкин. / Как была настоящая фамилия Пушкину (...) никто не любопытствовал: Пушкин — и всё тут (...) Пушкин! Какой сказочный образ — и большего добродушия и упоенности своим историческим обличем едва ли в ком еще встретите — подлинно, Пушкин был самый счастливый на Москве (...) / Трепетно было глядеть на Пушкина; мне всегда казалось, вот заговорит он; его перебыют, я был убежден, — а это будет чересчур, — его загогочат» [Ремизов 2000, т. 8, с. 243–244].

³ [Ремизов 1947].

⁴ *Гиляровский В. А.* Четверть века назад (Из воспоминаний журналиста). Старое и новое. Около памятника Пушкину // РГАЛИ. Ф. 145. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 1–2. — Приношу благодарность Е. В. Бронниковой и Т. Л. Латыповой за указание данного архивного источника.

Однако в тексте Ремизова «взаправдашная» Россия конца XIX в., где обитает «самозванец» Денисюк, существует параллельно с мифологическим пространством, в котором жив и здоров сам Александр Сергеевич Пушкин, прогуливающийся около своего бронзового монумента. Проявление этой второй, высшей реальности видит народ — простые москвичи. Они начинают по-детски, т. е. истинно, верить, что перед ними живой «воскресший» поэт. А когда пьяные обыватели хотят заставить «самозванца» читать «Гавриилиаду», то они слышат «знакомый голос — так мог читать только Пушкин: „Гонимы вешними лучами...“ И я как прикован, ⟨...⟩ а в сердце какое „люблю“ и „поверить“» [Ремизов 2000, т. 8, с. 251].

Кульминацией новеллы является безобразная сцена, когда хулиган Денис (ср.: Дантес) насильно остригает и обривает псевдо-Пушкина, стремясь уничтожить эффект «воскрешения» давно умершего классика. Ремизов частично спроецировал этот сюжетный эпизод надругательства над героем на реальную историю дуэли и смерти поэта в интерпретации художника А. М. Волкова на картине «Дуэль А. С. Пушкина». Политипаж (гравюра) с этого полотна был опубликован в 1873 г. в популярном журнале «Нива» [Каталог, с. 8], о тении которого в детстве Ремизов упомянул в книге воспоминаний «Подстриженными глазами» [Ремизов 2000, т. 8, с. 138].

«И посреди мертвого поля Пушкин.

С Пушкина стащили его пушкинский сюртук. В одной рубашке с помятой при-стегнутой манишкой, а все-таки не ошибешься, Пушкин. Над ним Денис, лопоча: „Саша, не сопротивляйся!“ — без лязга и без шора работал безопасно бритвой. ⟨...⟩ Одной пушкинской баки, как не бывало, гладко, а другая половинкой загибалась, вроде испанская. Пушкин — закрыл глаза — посмертная маска, не сопротивлялся» [Ремизов 2000, т. 8, с. 252].

Попытка уничтожения Пушкина оказывалась тщетной. В финале сюжета звучали строки поэта, как бы доказывающие его бессмертие в творчестве.

Вновь обратим внимание на то, что в художественном пространстве Ремизова «живого» Пушкина видели обычные люди, которые верили в его прогулки по Тверской рядом с собственным памятником. Пользуясь выражением писателя, это «живое знамение» не замечали только проходившие мимо него московские декаденты (символисты), и в частности их глава — В. Брюсов, — то есть те, кто ставил на место бессмертного поэта придуманный ими фантом. Ремизов, используя пушкинский же прием создания образа-символа = ожившей статуи («Медный всадник», «Каменный гость»), создал свою новеллу-притчу о явлении во плоти видимого народом поэта и о «слепоте» последователей «пушкинского» направления. Таким образом, писатель при помощи художественного «жеста», характерного для его творческой манеры,

вновь вступал в полемику с противниками «теории русского лада» и снова делал своим союзником самого Пушкина.

В итоге можно сделать вывод о том, что под зачастую эпатажными высказываниями «гогольянца» Ремизова всегда, хотя и с разной степенью открытости, сохранялся его пиетет перед Пушкиным. Писатель стремился отделить фантом от «настоящего» поэта, которого он считал своим соратником в борьбе за воссоединение устной и письменной культур России.

В 1940-х гг., вспоминая о начале литературного пути, Ремизов так обозначил свое местоположение на карте вершин, холмов и падей русской словесности:

«Отрава печататься входит с первым напечатанным. А какие мечты и сколько самообольщения. Ведь только у новичка такая вера в свое. А со временем придет разочарование, и сколько ни фырчи и фордыбачь, а все ясно и при всякой дружеской критике, что ты не Пушкин, не Толстой, не Достоевский, а только козявка.

Одной из таких козявок — аз есмь» [Ремизов 2000, т. 8, с. 456].

Отбросив в сторону характерный для Ремизова прием ложного самоуничижения, обратим внимание на обозначенную в тексте триаду литературных классиков, среди которых первое место отдано А. С. Пушкину.

Как показал предварительный анализ, все три аспекта темы «Пушкин и Ремизов»: историко-биографический, теоретико-литературный и мифопоэтический — присутствуют в художественном и жизненном пространстве писателя и заслуживают дальнейшего изучения.

Литература

- Адамович — *Адамович Г. В.* У Ремизова // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1952. № 14666, 22 июня. С. 8.
- Бермус — *Бермус Е. В.* «Гавриилиада» А. С. Пушкина как источник повести А. М. Ремизова «Неумный бубен» // Художественный текст. Опыт интерпретации: Сб. науч. ст. к 75-летию Карельского гос. пед. ун-та / Сост. и отв. ред. А. В. Пигин. Петрозаводск: Карел. гос. пед. ун-т, 2007. С. 41–49.
- Грачева 2022 — *Грачева А. М.* Н. В. Гоголь и А. М. Ремизов: эстетическая константа и юбилейные переменные // Русская литература. 2022. № 4. С. 58–71.
- Грачева 2023 — *Грачева А. М.* Теория русского лада Алексея Ремизова: Генезис. Практика. Рефлексы. СПб.: Росток, 2023. 495 с.
- ДМ-I — *Ремизов А. М.* Дневник мыслей 1943–1957 гг. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2013. Т. 1: Май 1943 — январь 1946 / Отв. ред., авт. вступ. ст. А. М. Грачева; подгот. текста А. М. Грачевой, Н. М. Коньичевой, Л. В. Хачатурян; коммент. А. М. Грачевой, Л. В. Хачатурян. 376 с.
- ДМ-II — *Ремизов А. М.* Дневник мыслей 1943–1957 гг. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2015. Т. 2: Январь 1946 — март 1947 / Отв. ред., авт. вступ. ст. А. М. Грачева; подгот. текста О. А. Линдеберг; коммент. А. М. Грачевой, Л. В. Хачатурян. 384 с.

- ДМ-III — Ремизов А. М. Дневник мыслей 1943–1957 гг. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2017. Т. 3: Март 1947 — февраль 1950 / Отв. ред., авт. вступ. ст. А. М. Грачева; подгот. текста О. А. Линдеберг; коммент. А. М. Грачевой, Л. В. Хачатурян. 732 с.
- ДМ-IV — Ремизов А. М. Дневник мыслей 1943–1957 гг. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2020. Т. 4: Февраль 1950 — ноябрь 1951 / Отв. ред., авт. вступ. ст. А. М. Грачева; подгот. текста О. А. Линдеберг; коммент. А. М. Грачевой, Л. В. Хачатурян, А. С. Урюпиной. 720 с.
- ДМ-V — Ремизов А. М. Дневник мыслей 1943–1957 гг. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2023. Т. 5: Февраль 1950 — ноябрь 1951 / Отв. ред., авт. вступ. ст. А. М. Грачева; подгот. текста О. А. Линдеберг; коммент. А. М. Грачевой, Л. В. Хачатурян, А. С. Урюпиной. 574 с.
- Каталог — Каталог пушкинской выставки, устроенной комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1880. 57 с.
- Кожевникова — Кожевникова О. В. Пушкинские реминисценции в повести А. М. Ремизова «Крестовые сестры» // Пушкинские чтения — 99: Материалы юбилейной межвуз. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина. СПб.: Ленингр. гос. обл. ун-т им. А. С. Пушкина, 1999. С. 20–22.
- Легенды и мифы о Пушкине — Легенды и мифы о Пушкине / Сост. М. Н. Виролайнен. СПб.: Академический проект, 1999. 342 с.
- Пушкин — Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. Берлин: Слово, 1921.
- Резникова — Резникова Н. В. Воспоминания об Алексее Ремизове. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2013. 271 с.
- Ремизов 1937а — Ремизов А. М. Дар Пушкина // Последние новости (Париж). 1937. № 5801, 10 февр. С. 1;
- Ремизов 1937б — Ремизов А. М. Морозная тьма: сны Пушкина // Новая Россия (Париж). 1937. № 21, 7 февр. С. 5–9.
- Ремизов 1947 — Ремизов А. Белоснежка // Новоселье (Нью-Йорк). 1947. № 33/34. С. 4–24.
- Ремизов 1949 — Ремизов А. Живой воды // Русские новости (Париж). 1949. № 209, 3 июня.
- Ремизов 2000 — Ремизов А. М. Собр. соч. / Отв. ред. А. М. Грачева. М.: Русская книга, 2000–2003. Т. 1–10; СПб.: Росток, 2015–2023. Т. 11–18 (изд. продолжается).
- Ремизов 2010 — Ремизов А. М. Лицо писателя: Материалы к книге // Грачева А. М. Жанр романа и творчество Алексея Ремизова (1910–1950-е годы). СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2010. С. 241–486.

References

- Adamovich, G. V. (1952). 'U Remizova', *Novoe russkoe slovo*, 14666, June 22, 8.
- Bermus, E. V. (2007). '«Gavriliada» A. S. Pushkina kak istochnik povesti A. M. Remizova «Neuemnyi buben»', in: *Khudozhestvennyi tekst: Opyty interpretatsii: Sbornik nauchnykh statei k 75-letiyu Karel'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. Petrozavodsk: Karel'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 41–49.
- Gracheva, A. M. (2022). 'N. V. Gogol' i A. M. Remizov: esteticheskaya konstanta i yubileinye peremennye', *Russkaya literatura*, 4, 58–71.

- Gracheva, A. M. (2023) *Teoriya russkogo lada Alekseya Remizova. Genezis. Praktika. Refleksy*. Saint Petersburg: Rostok, 495 p.
- Gracheva, A. M., Khachaturyan, L. V., Konycheva, N. M., Lindeberg, O. A., Uryupina, A. S., eds. (2013, 2015, 2017, 2020, 2023). *Remizov, A. M. Dnevnik myslei 1943–1957 godov*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskii Dom». Vol. 1. Mai 1943 — yanvar' 1946, 376 p.; Vol. 2. Yanvar' 1946 — mart 1947, 384 p.; Vol. 3. Mart 1947 — fevral' 1950, 732 p.; Vol. 4. Fevral' 1950 — noyabr' 1951, 720 p.; Vol. 5. Fevral' 1950 — noyabr' 1951, 574 p.
- Katalog pushkinskoi vystavki, ustroennoi komitetom Obshchestva dlya posobiya nuzhdayushchimsya literatoram i uchenym* (1880). Saint Petersburg: Tipografiya M. Stasyulevicha, 57 p.
- Kozhevnikova, O. V. (1999). 'Pushkinskie reministsentsii v povesti A. M. Remizova «Krestovye sestry»', in: *Pushkinskie chteniya — 99: Materialy yubileinoi mezhvuzovskoi konferentsii, posvyashchennoi 200-letiyu so dnya rozhdeniya A. S. Pushkina*. Saint Petersburg: Leningradskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet imeni A. S. Pushkina, 20–22.
- Pushkin, A. S. (1921). *Polnoe sobranie sochinenii*. 6 vols. Berlin: Slovo.
- Remizov, A. M. (1937). 'Dar Pushkina', *Poslednie novosti* (Paris), 5801, Feb. 10, 1.
- Remizov, A. M. (1937). 'Moroznaya t'ma: sny Pushkina', *Novaya Rossiya* (Paris), 21, Feb. 7, 5–9.
- Remizov, A. (1947). 'Belosnezhka', *Novosel'e* (New York), 33/34, 4–24.
- Remizov, A. (1949). 'Zhivoi vody', *Russkie novosti* (Paris), 209, June 3.
- Remizov, A. M. (2000–2003, 2015–2023). *Sobranie sochinenii*, ed. A. M. Gracheva. Moscow: Russkaya kniga. Vol. 1–10; Saint Petersburg: Rostok. Vol. 11–18. [Publ. continues].
- Remizov, A. M. (2010). 'Litso pisatelya. Materialy k knige', in: Gracheva, A. M. *Zhanr romana i tvorchestvo Alekseya Remizova (1910–1950-e gody)*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskii Dom», 241–486.
- Reznikova, N. V. (2013). *Vospominaniya ob Aleksee Remizove*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskii Dom», 271 p.
- Virolainen, M. N., ed. (1999). *Legendy i mify o Pushkine*. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 342 p.